

О возможности встречи А.С. Пушкина и преподобного Серафима Саровского

Андрей Ерастов,
ученик 9-го класса
Пушкинской школы
г. Новомосковска
Тульской области

Летом 2003 года исполнилось 100 лет с того сохранённого народной памятью дня, когда в Сарове прошли торжества, связанные с прославлением преподобного Серафима Саровского.

Великий подвижник и чудотворец Русской Православной Церкви, преподобный Серафим Саровский был прославлен во многом благодаря молитвенным и пастырским трудам будущего священномученика митрополита Серафима (в миру — Леонида Михайловича Чичагова). Написанная архимандритом Серафимом «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (первое издание вышло в 1896 г., второе — в 1903 г.) имела особое значение для православия, ибо она открыла России величие благодатных даров Преподобного. В «Летописи» было дано первое исчерпывающее жизнеописание старца.

Программа празднования столетнего юбилея канонизации преподобного Серафима Саровского была разработана оргкомитетом Правительства России и утверждена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В программу торжеств, проходивших 29 июля — 1 августа, входило перенесение крестным ходом святых мощей преподобного Серафима из Дивеева в Саров; освящение Святейшим Патриархом Алексием II храма преподобного Серафима Саровского; приезд Президента РФ В.В. Путина в Саров; работа в Нижнем Новгороде православной выставки-ярмарки «Нижегородский край — Земля Серафима Саровского»; крестный ход паломников из Сарова в Дивеево; Божественная литургия в Дивеево — последнем оплоте Православия, по предсказанию преподобного Серафима.

В помещении выставки была открыта временная часовня, где посетители выставки и паломники могли помолиться перед прижизненным образом преподобного Серафима Саровского из подворья московского Данилова монастыря в селе Михее Сапожковского района Рязанской области; перед иконой священномученика Серафима (Чичагова) из Храма Новомучеников и Исповедников Российских в Бутovo и образом Спасителя («Спаситель в белом хитоне») из Зачатьевского монастыря Москвы — списком с иконы работы священномученика Серафима Чичагова, находящейся в храме Ильи Пророка в Обыденном переулке г. Москвы.

Автору этих строк, к великому сожалению, не довелось стать участником торжеств в честь великого святого земли русской, но желание хоть в малой степени быть к этому торжеству причастным вдохновило поиск ответа на один очень важный вопрос: встречались ли бывшие современниками великий святой и великий поэт? Мог ли Александр Сергеевич Пушкин в какой-то момент своей жизни побывать в Сарове и получить благословение батюшки Серафима? Когда именно это могло произойти? Что известно об этом пушкиноведам?

Чаще всего, пожалуй, вопрос о вероятности встречи Пушкина и святого старца Серафима (точнее, сожаление о том, что встреча эта не состоялась) звучал в годы празднования столетия со дня смерти А.С. Пушкина в 1937 году. Так, известный философ, православный богослов, публицист и общественный деятель, протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) в своей знаменитой речи (произнесённой на торжественном заседании Богословского института в Париже) «Жребий Пушкина», опубликованной (в Париже) в 1937 г., со скорбным пылом вопрошает: «...как мог он не слышать о преподобном Серафиме, своём великом современнике? Как не встретились два солнца России?» И делает мрач-

ный вывод: «Последнее есть роковой и значительный, хотя и отрицательный, факт в жизни Пушкина, имеющий символическое значение: Пушкин прошёл мимо (выделено С. Булгаковым) преподобного Серафима, его не приметя. Очевидно, не на путях исторического, бытового и даже мистического православия пролегла основная магистраль его жизни, судьбы его. Ему был свойствен свой личный путь и особый удел — предстояние пред Богом в служении поэта»¹.

К этому же юбилею (100-летию смерти великого поэта) Митрополитом Анастасием (Грибановским) был написан очерк «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви», где автор, в частности, подчёркивает: «Некоторые хотели бы видеть его та-

лант более воцерковленным и сожалеют, что он не встретился лицом к лицу с таким светящим и горящим светильником благочестия в его время, как преп. Серафим Саровский. Сожалеть об этом, конечно, нужно, ибо непосредственное соприкосновение с этим духоносным мужем — истинным ангелом во плоти — ещё более бы оплодотворило творческий гений Пушкина и настроило бы его вдохновенную лиру на ещё более высокие мотивы. Но было бы, однако, несправедливо обвинять его в том, что «не заметил великаго Саровского подвижника», как

это делает о. Булгаков... При тогдашних путях сообщения достигнуть до отдалённого Сарова могло также мало зависеть от воли Пушкина, как и посетить Иерусалим и другие Святыя места Востока, описание которых он «с умилением и невольной завистью» читал в книге А.Н. Муравёва»².

В более позднее время, по известным причинам, православные аспекты жизни и творчества Пушкина оставались «за семью печатями».

Так была ли встреча?!

Началом наших размышлений послужило знакомство с талантливой работой «Православный мир

в рисунках Пушкина» саратовского пушкиноведа Любови Александровны Краваль. Глава этой работы, названием которой стала знаменитая строка из пушкинского «Пророка»

*... И шестикрылый Серафим
на переломе мне явился...,*

также начинается с вопросов: «Как могло случиться, что в пору своей духовной зрелости, на пороге жизненного перелома (женитьбы) осенью 1830 года Божьим Промыслом оказавшись в близком содействии с Саровским монастырём (здесь Л.А. Краваль ссылается на «Генеральную карту Нижегородской губернии... полковника Пядышева (СПб., 1822) о том, что от Болдина до Дивеева 65 вёрст), Пушкин не пришёл поклониться величайшему столпу Православия, Преподобному Серафиму, не взалкал благословения Святого старца?»³

И дальше исследовательница очень, на наш взгляд, деликатно, глубоко и со знанием психологии (в том числе психологии А.С. Пушкина!) рассуждает о том, каким образом мы могли бы узнать об этой встрече, если бы она была. Мог ли Пушкин заявить об этом во всеуслышанье? Это Пушкин-то, хранивший «свою веру, свою внутреннюю духовность в тайне, в глубине сердца, целомудренно»?! Вспомним, что писала о религиозности великого поэта А.О. Смирнова: «Он признался мне, что всегда служит панихиду по декабристам в день имени их, но не хочет говорить об этом, так как уверен, что его обвинили бы в желании «выставить напоказ свою религиозность, а это надо делать втихомолку»⁴.

Вспомним также настаивание на этот счёт преподобного Серафима Саровского: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним её в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно...»⁵ И сам преподобный Серафим не оставил нам ни строчки. Всё, что нам известно, — воспоминания о нём его современников и паломников.

Значит, если бы Александр Сергеевич и рассказал об этой встрече кому-то очень ему близкому, мы бы всё равно об этом, скорее всего, не узнали!

Остаются творчество и сопоставление фактов. Что касается творческого наследия А.С. Пушкина, то *прямых* сведений о его встрече со святым старцем в нём нет. Косвенных же — немало. И именно их

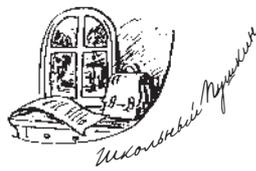
¹ Булгаков С. Жребий Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М.: Книга, 1990. С. 279.

² Анастасий, Митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви М.: Инга, 1991. С. 54.

³ Краваль Л.А. Православный мир в рисунках Пушкина // Русское Возрождение. 1999. № 1. С. 179.

⁴ Из «Записок» А.О. Смирновой // Дон. 1989. № 6. С. 157.

⁵ Краваль Л.А. Православный мир в рисунках Пушкина... С. 179–180.

неединичность позволяет нам говорить о большой вероятности встречи «двух солнц России».

Прежде всего, по примеру Л.А. Краваль, обратимся к пушкинской «Молитве» («Отцы-пустынники и жёны непорочны»), написанной в 1836 г. И в первую очередь к тому, что связано с историей его публикации.

Стихотворение это было опубликовано впервые в посмертном V томе журнала «Современник». По воле императора Николая I на первом его листе был факсимильно воспроизведён автограф стихотворения. А как известно, автограф этот представляет собой триптих:

- ✓ первая часть — размышления Пушкина о божественных молитвах, оставленных нам «отцами-пустынниками и жёнами непорочными», и о «неведомой силе» любимой им молитвы;
- ✓ вторая часть — бережное поэтическое переложение молитвы святого Ефрема Сирина;
- ✓ и завершение — рисунок Пушкина под стихотворением, изображающий «молящегося в келье монаха», как аннотировала его известная исследовательница рисунков великого поэта Т.Г. Цявловская.

Вот к этому-то рисунку и пригляделась повнимательнее Любовь Александровна Краваль. «И ей открылся мир иной», говоря словами Пушкина. Приглядевшись, она узнала в изображённом Пушкиным старце... преподобного Серафима Саровского!

Аргументы исследовательницы кажутся весьма убедительными не только нам, но и крупнейшим учёным-пушкиноведам. Так, организаторами выставки «Пушкин и Филарет, Митрополит Московский и Коломенский», проходившей 20 декабря 2000 г. — 28 февраля 2001 г. в Москве в Государственном музее А.С. Пушкина, в витрине с пятым томом журнала «Современник», открытом на 1-м листе (с автографом пушкинского стихотворения), был помещён и список с прижизненного портрета преподобного Серафима Саровского, находящегося в Московской резиденции Святейших Патриархов. У нас в Пушкинской школе есть и фотография, это запечатлевшая.

Приведём аргументы, которые выдвигает саратовская исследовательница в пользу того, что Пушкин нарисовал именно святого Серафима Саровского и, следовательно, видел его.

1. Рука изображённого поднята выше лба. Значит, монах не молится, а благословляет (и может быть, как раз именно автора рисунка?!).

2. Рисунок передаёт особое, исходящее от монаха свечение: светится, освещая потолок, его рука; сам он весь светится. И по этому «сиянию и просвет-

лённости, по необыкновенному выражению какой-то неземной, энергической, победительной любви, понимаешь, что это батюшка Серафим⁶. В книге Е. Поселянина «Преподобный Серафим, Саровский чудотворец» (СПб., 1908) не однажды подчёркивается именно эта отличительная особенность преподобного Серафима Саровского.

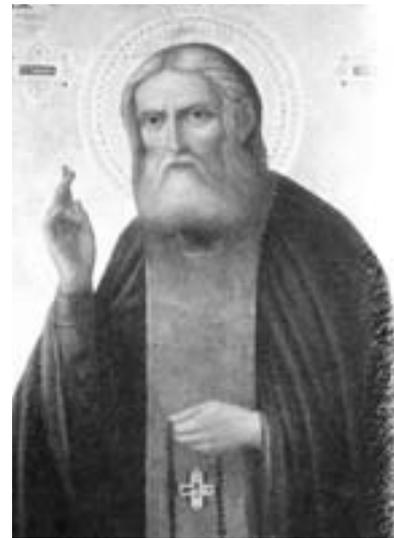
3. Нетрудно заметить, что изображённый Пушкиным старец согбен. А известно, что после нападения на него 12 сентября 1804 г. разбойников батюшка Серафим навсегда остался сильно согбенным и ходил, опираясь на топорик (или мотыгу, или посох).

4. И топорик этот — инструмент, с которым преподобный Серафим Саровский не расставался, с которым он работал, на который он опирался, тоже изображён!

5. Пушкинский монах одет необычно: он не в монашеской рясе, а в белом балахончике, прикрытом сверху тёмным полотном. А именно так одевался батюшка Серафим: в непогоду и холод он надевал поверх белого полотняного балахончика выделанную кожу.

6. Есть на рисунке и своеобразная подпись. На уровне левой ступни, правее её, старославянской вязью жирно начертана буква С — первая буква слова «сретенье», означающего судьбоносную встречу.

Конечно, всё это может быть и простым совпадением, тем более что портретное сходство с отцом Серафимом в пушкинском рисунке уловить невозможно. Тем не менее образ старца, который «белой ризою одет и сияньем окружён»⁷, неоднократно появляется в позднем творчестве А.С. Пушкина. Достаточно вспомнить строки стихотворения «Чудный сон мне Бог послал»:

⁶ Краваль Л.А. Православный мир в рисунках Пушкина // Русское Возрождение. 1999. № 1. С. 182.

⁷ Из строк сделанного Пушкиным в 1835 году стихотворного перевода из Саути «На Испанию родную...»: В свиденьи благодатном Он явился королю, Белой ризою одет и сияньем окружён...

*С длинной белой бородой,
В белой ризе пребо мною
Старцу некий престоложил
И меня благословил...*

Многое можно ощутить и почувствовать в связи с затронутой нами темой и в уже упоминавшейся пушкинской «Молитве» (ст. «Отцы-пустынники и жёны непорочны»), к которой и был сделан рисунок. Так, сначала в этом стихотворении у Пушкина было: «святые мудрецы», а затем он исправил это на «отцов-пустынников». Трудно не удержаться от того, чтобы за обратившей на это особое внимание Л.А. Краваль не предположить, что Пушкин подыскивал слова, точнее обозначавшие святого Серафима Саровского! Трудно также в словосочетании «жёны непорочны» не услышать весть об устройении преподобным Дивеевского женского монастыря, также не задуматься над поставленной под стихотворением датой (22 июля 1836 г.), столь «близкой» ко дню рождения батюшки Серафима, родившегося в ночь с 19 на 20 июля 1759 года.

Итак, творчество А.С. Пушкина даёт весьма серьёзные основания для того, чтобы предположить, что он видел святого старца Серафима (1759–1833), встречался с ним.

Что же касается всякого рода сопоставлений, то исследователю, считающему вполне вероятной

встречу великого поэта и великого святого, безусловно, есть на что опереться. Эту опору, как нам представляется, он найдёт, по крайней мере, на трёх путях:

— в выявлении духовного облика А.С. Пушкина последних лет его жизни (т.е. после предположительной встречи со святым Серафимом Саровским осенью 1830 года);

— в анализе душевного и духовного состояния Пушкина осенью 1830 года;

— в сопоставлении некоторых фактов знаменитой Болдинской осени в жизни А.С. Пушкина.

Не ставя перед собой задачи пройти первым из этих путей, т.е. высветить духовный лик Пушкина последних лет его жизни (ибо это под силу только профессиональному пушкиноведе), мы лишь подчеркнём, что в это время Пушкин гораздо чаще, чем прежде, обращается к Священному Писанию, принимает участие в составлении Словаря Святых, изучает древнееврейский — с намерением перевести на русский язык книгу Иова. Зимой 1830–1831 годов Пушкин переводит с церковно-славянского на русский «Житие преподобного Саввы Сторожевского», пустынножителя и ученика Сергия Радонежского.

Вторым же и третьим путём в меру своих скромных возможностей мы пройти попытаемся.

Итак, каким было душевное и духовное состояние Пушкина Болдинской осенью 1830 года? Было ли оно таким, что поэт нуждался в духовной помощи? Мог ли он пожелать получить её именно от святого старца Серафима Саровского? Знал ли поэт о нём? Когда именно могла произойти их встреча?

Таков примерный круг вопросов, на которые мы попытаемся ответить.

Известно, что Пушкин впервые приехал в Болдино 3 сентября 1830 года. Приехал, чтобы оформить ввод во владение частью отцовского имения и, тут же заложив полученную собственность, выручить деньги, необходимые для свадьбы.

А свадьба эта была для Пушкина очень желанной и очень выстраданной. Пушкин наконец встретил ту, без которой, по его собственному утверждению, он «никогда не был бы счастлив», ту, с чьим лицом «ничего нельзя сравнить на свете», ту, чью душу он полюбил «ещё более лица».

Кроме того, именно в это время в Пушкине до болезненности обострилась всегда жившая в нём потребность иметь свой дом. Ведь у нашего величайшего поэта никогда не было своего дома. Были кочующие с квартиры на квартиру родители, был Лицей, были чужие квартиры друзей и знакомых, а своего дома не было. Не было своего угла, убежища, при-

станция, не было своего очага, семьи. И вот, наконец, появилась надежда на то, что кончится для него холостая беспорядочная жизнь, что всё изменится, появятся свой очаг, налаженный семейный быт.

Но судьба может вновь отвернуться от него. Почти два года сватовства. Размолвка с будущей тещей. Траур из-за похорон дяди. Необходимость добывать средства на свадьбу, семейную жизнь и даже на приданое невесты. Cholera. Свадьба «будто бы бежит» от него! Поэт сетует: «Чёрт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан». Есть от чего потерять душевное равновесие!

Не случайно всё, что создаётся в эту осень, становится подведением итогов прошлой жизни, исповедью и покаянием. «Безумных лет угасшее веселье... тяжело, как смутное похмелье», «как вино, печаль минувших дней в ... душе чем старе, тем сильней».

Всю эту осень он вспоминает об Амалии Ризнич — своей возлюбленной, одесской красавице. Пушкин познакомился с ней в 1823 году и посвятил ей немало стихотворений, полных любви, нежности, страсти. В рождественскую неделю в канун 1824 года она родила сына, которого назвала Александром. Пушкин был счастлив.

Его это сын или нет — неизвестно. Летом того же года муж увёз Амалию в Швейцарию, а затем в Италию. Через год она умерла. О её смерти Пушкин узнал лишь летом 1826 года в Михайловском, на следующий день после получения известия о казни декабристов. Судьба ребёнка неизвестна.

*Стою печально на кладбище,
Глядя в кругом: обнажено
Святое смерти пепелище
И стелю лишь отражено...*

Эти строки появятся позже, третьей Болдинской осенью. Но именно в 1830 году он впервые приходит на могилу своего незаконнорождённого сына Павла. Мать ребёнка — крепостная Ольга Калашникова, с ней у Пушкина был роман в годы Михайловской ссылки. Беременную Ольгу Пушкин отправил в Болдино в мае 1826 года, выслал ей приличные суммы денег. Младенец умер в двухмесячном возрасте. Этой же осенью Пушкин оформил Ольге вольную.

*...И много престо мной
Встают два призрака младые,*

*Две тени милые,
Два данные судьбой
Мне Ангела во дни былые.
Но оба с кривильями и с каменьям мном...*

Накануне свадьбы воспоминания с новою силой терзают душу. Подобное настроение у Пушкина возникло в мае 1828 года, когда в его жизнь вошла Анна Оленина и он серьёзно рассчитывал на брак с ней. Тогда он написал два стихотворения, свидетельствующие о крайней неудовлетворённости тем, как он прожил предшествующие годы. 26 мая, в день своего рождения, он пишет:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, даешь ты мне дана?
Иль даешь судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня вразумительной властью
Из немоты воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал? ..
Цели нет престо мной:
Среду пусто, прагден ум,
И толпит меня тоскою
Ознобительной жизни шум.*

Это мрачное, исполненное безысходности стихотворение было опубликовано в альманахе «Северные Цветы» за 1830 год и было прочитано Митрополитом Московским и Коломенским Филаретом. Желая духовно вразумить великого поэта, протянуть ему руку помощи «с высоты духовной», Митрополит Филарет пишет ему ответное стихотворение, в котором, «используя рифмы и поэтические образы Пушкина и дополняя их (в заключительных строках) образами 50-го Давидова Псалма, опровергает Пушкина на его же собственными словами:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
 Просияй сквозь сумрак дум —
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, светел ум!

Пушкин благодарно ответил ему «Стансами»:

*В часы забав или праздничной скуки,
 бывало, миру я мой
 Ввернул изнеуроченные звуки
 безумства, лени и страстей.
 Но и тогда струны лукавой
 Невольно звон я прерывал,
 Когда твой голос величавый
 Меня внезапно порадовал.
 Я был потоки слезу неуроченный,
 И ракам совести моей
 Твоих рек и благоуханных
 Отрады кистей был слез.
 И ныне с высоты дубовкой
 Мне руку простиралась ты
 И силой кроткой и любовной
 Смирняешь буйные места.
 Твоими окнами душа палима
 Отвергла мрак земных свет,
 И велимет архи Серафима
 В священном узресе поэт.*

Тогда поэт принял руку духовной помощи Митрополита Филарета, теперь же, когда так нужен мудрый совет, кто даст его? А рядом, в каких-нибудь 65 верстах, в Саровском монастыре, этой академии монашества, духовно врачует страждущих святой старец Серафим.

Он пришёл в Саров ещё юношей, стал послушником, через несколько лет принял постриг. Для укрепления духа своего отец Серафим поселился в лесу в 5 верстах от монастыря, в отшельнической келье, где затворился на 16 лет. Здесь он совершил ещё один подвиг: 1000 дней и ночей он провёл в беспрестанных молитвах, стоя на коленях на гранитном камне, а потом — ещё 15 лет затвора в монастырской келье. Пресвятая Богородица многократно являлась ему,ставляла и укрепляла его, трижды исцеляла его от

смертельных болезней. 25 ноября 1825 г. Мать Божия явилась ему и повелела выйти из затвора и принимать у себя немощные души человеческие, требующие утешения, руководства и исцеления.

Весть о дивном старце очень скоро разнеслась по всей России. В Саров каждый день приходило огромное количество людей за утешительным и прозорливым советом Серафима Саровского. Всех приходящих к нему он принимал с одинаковой любовью, всех встречал низким поклоном и целованием, всех приветствовал словами: «Радость моя, возлюбленный мой!»

Болдинская осень 1830 года — единственный период, когда Пушкин мог встретиться с отцом Серафимом.

Мог ли Пушкин заехать в Саровскую обитель? Ко-неч-но! Он ведь трижды выезжал из Болдина, надеясь прорваться в Москву через холерный карантин, доезжал до Владимирской губернии, но ему приходилось возвращаться обратно.

Скорее всего, во время последней поездки с 9 по 17 ноября Пушкин после очередной неудачи мог на обратном пути заехать в Саровскую пустынь. Тем более что в ноябре Арзамас, через который обычно проезжал поэт, был уже объят эпидемией, а другой путь пролегал южнее — всего в нескольких верстах от Сарова.

Вспомним, что год назад, отправляясь на Кавказ, Пушкин сделал «200 вёрст крюку» — специально, чтобы заехать на несколько часов и поговорить со знаменитым, полуопадальным генералом Ермоловым: «Я сделал таким образом 200 вёрст крюку, зато увидел Ермолова», — писал Пушкин.

От кого Пушкин мог узнать об отце Серафиме? От очень и очень многих. Например, от офицеров Нижегородского драгунского полка, с которыми Пушкин был на Кавказе годом ранее. Или от княгини Голицыной, которая жила недалеко от Болдина. Мог услышать о нём от своих крестьян, или от священника в храме села Болдина, или от паломников по пути между карантинными заставами.

Достоверных доказательств и свидетельств поездки Пушкина к отцу Серафиму и их встречи нет. Как нет и оснований отрицать возможность этого события. Ведь осенью 1830 года, как мы убедились, у Пушкина, находящегося на переломе судьбы, мучимого тяжёлыми воспоминаниями о «безумных годах», были и основания, и возможность побывать у святого старца.

Что же думать? Эта встреча — «двух солнц России» — всё-таки была?!